

Доник Ксения Владимировна – к. и. н., специалист, Российская национальная библиотека, Российская Федерация, 191069, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 18; научный сотрудник отдела сопровождения научных проектов, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 191023, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 15.

Ksenia V. Donik – PhD in History, specialist, National Library of Russia, Russian Federation, 191069, Saint-Petersburg, Sadovaya street, 18; researcher, Department of Scientific Project Support, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 191023, Saint-Petersburg, Fontanka river embankment, 15.

ksenia.donik@mail.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01074, <https://rscf.ru/project/24-28-01074/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01074, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01074/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

ORCID 0000-0002-7179-5897

К. В. Доник

Записки Е. М. Фроловой-Багреевой о графе М. М. Сперанском как исторический источник

Ключевые слова: Сперанский, Корф, историческая память, биография, мемуары

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится один из важнейших и одновременно малоисследованных текстов о М. М. Сперанском – мемуарный очерк, созданный его единственной дочерью Елизаветой Михайловной Фроловой-Багреевой (1799 – 1857) в конце 1840-х гг. и послуживший одним из основных исторических источников для книги барона М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» (1861).

Биография Е. М. Фроловой-Багреевой в общих чертах хорошо известна, в дореволюционное время ей была посвящена не одна статья в биографических словарях и энциклопедиях: в 1850–1860-е гг. Е. М. Фролова-Багреева была известна читающей Европе как писатель-беллетрист, затрагивающий в своих очерках и повестях весьма экзотические для европейского читателя сюжеты из русской жизни. Она появилась на свет в 1799 г. от брака М. М. Сперанского с англичанкой Елизаветой Стивенс, скончавшейся вскоре после рождения дочери. Детские и юношеские годы она провела в окружении своих родственников по матери. Памятником этого времени, проливающим свет на глубокую привязанность отца к дочери, является известная публикация писем М. М. Сперанского,

написанных Е. М. Фроловой-Багреевой из ссылки в Нижнем Новгороде, Сибири и Пензы¹. Помимо родительской заботы и распоряжений по хозяйству, которые юная Елизавета Михайловна должна была передавать старшим родственникам, письма нередко были посвящены первым литературным опытам адресата, которые знаменитый силой и изяществом стиля Сперанский полагал в качестве элемента образования и воспитания. После завершения политического изгнания и возвращения в Петербург 1822 г. отцом был устроен брак Елизаветы с А. А. Фроловым-Багреевым, государственным служащим, гражданским чиновником, племянником графа В. П. Кочубея. В Петербурге середины 1820-х гг. дом Фроловой-Багреевой был открыт для светских приемов, которые посещал Н. М. Карамзин, князь Д. П. Бутурлин и др. После кончины М. М. Сперанского (1839 г.) сына (1842) и супруга (1844) Е. М. Фролова-Багреева часто жила за границей, в основном в Вене. Вторая половина 1840-х – 1850-х гг. отмечена рядом публикаций, по которым Елизавета Михайловна под псевдонимом *Багреева-Сперанская*, вошла в историю как писательница – для России XIX в., безусловно, одна из самых ярких представительниц женской беллетристики и художественной прозы. Однако ее литературное наследие в России никогда не изучалось и было быстро забыто современниками. Проживая почти все время за рубежом, Е. М. Фролова-Багреева писала на французском, таким образом, как бы обрекая свои тексты на своего рода исключение из внимания русской читающей публики. С учетом маргинальности положения женского литературного труда, присущей ее времени, тексты канули в прошлое как только оборвалась жизнь их создательницы. Краткий, но насыщенный публикациями творческий период Е. М. Фроловой-Багреевой – последнее десятилетие ее жизни – был отмечен историко-литературными и беллетристическими очерками, упоминаниями о которых регулярно пестрила европейская журнальная библиография. В первую очередь к их числу необходимо отнести цикл произведений, созданных после путешествия Е. М. Фроловой-Багреевой на Восток – в Египет и Палестину, в окрестности горы Афон. В 1852 г. в Брюсселе был напечатан двухтомник под общим названием «Русские паломники в Иерусалиме», включающий одноименный очерк, а также роман-повесть «Афонский инок», и рассказ «Ночь на Голгофе». Книга предварялась обширным историко-критическим предисловием, в котором автор, основываясь на близком к карамзинским идеям об историческом прошлом русского народа, пытался сформировать у европейцев представление о природе русского христианства и культуре религиозности². Очерк о русских паломниках стал одним из первых произведений, посвященных осмыслению этого феномена и написанных для европейского читателя. Он получил многочисленные отклики преимущественно во французских газетах, закрепив за именем Е. М. Багреевой-Сперанской репутацию одного из талантливых русскоязычных авторов, включенных в актуальную европейскую общественно-политическую повестку о христианском Востоке.

В 1867 г. швейцарским писателем Виктором Дюре (по всей видимости, близко знавшим Е. М. Фролову-Багрееву) была написана ее единственная подробная биография³, составлен аннотированный каталог произведений – изданных и оставшихся в рукописях, а также осуществлена публикация «Книги одной женщины» («*Livre d'une femme*») – обработанного публикатором личного текста – по жанру напоминающего дневниковые записи, содержащего «афоризмы» о вере, обществе, личности, положении женщины в современном автору обществе.

На сегодня известно, что единого архива, который бы содержал документы, позволявшие восстановить все аспекты личной и творческой биографии Е. М. Фроловой-Багреевой не существует. Библиография опубликованных произведений Е. М. Фроловой-

¹ Первоначальная публикация частично была осуществлена в журнале «Русская старина», полное издание вышло в свет позже, в 1869 г.: Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). М., 1869. 253 с. Подлинники писем хранятся в ОР РНБ.

² Bagréef-Speransky E. Pèlerins russes à Jerusalem. Bruxelles, Leipzig, 1854. P. 11 – 77.

³ Duret, V. Un portrait russe, l'oeuvre et «Le livre d'une femme» de m-me Bagreef-Speransky. Leipzig, 1867.

Багреевой, а также рукописей (восстановленная по той же самой книге В Дюре) приведена в полном объеме в известном словаре князя Н. Н. Голицына и является единственной репрезентацией творческого пути писательницы на русском языке⁴.

На протяжении 18 лет Е. М. Фролова-Багреева являлась хранителем бумаг ее отца. По свидетельству барона М. А. Корфа, опечатавшего кабинет покойного государственного деятеля, печать была наложена сразу же, как стало известно о смерти в 1839 г.⁵; затем начался разбор бумаг. В апреле 1839 г. Е. М. Фролова-Багреева в прошении на высочайшее имя просила вернуть ей бумаги, не относящиеся до государственных дел с описью, а также копию знаменитого письма М. М. Сперанского к Александру I 1813 г.⁶ На обращение был получен одобрительный ответ, и в скором времени в ее распоряжении оказались сами документы⁷. В дальнейшем они составили ту часть архива М. М. Сперанского, который в 1857 г., незадолго до смерти, был ею передан в Императорскую Публичную библиотеку.

Возглавлявший в 1849 – 1861 гг. библиотеку барон М. А. Корф, по его собственному свидетельству, с середины 1840-х гг. задумывал биографический труд о М. М. Сперанском – поступивший архив стал для историка источником новых материалов о государственном деятеле. Из недавно обнаруженной в составе ф. 1251 РГИА копии духовного завещания Е. М. Фроловой-Багреевой следует, что уже в 1848 г. (по-видимому, переживая серьезные проблемы со здоровьем) она наказывала своей дочери княгине М. А. Кантакузен «препроводить все бумаги и манускрипты покойного родителя моего графа Сперанского, исключая теологические, барону Модесту Андреевичу Корфу, он властен распоряжаться ими как ему заблагорассудится и возратить их только тогда, когда они более не будут ему нужны. Если бы он пожелал удержать некоторые из них, то прошу его принять, какие ему будет угодно в знак благодарности моей за труды его об биографии незабвенного моего родителя...»⁸. Таким образом, можно констатировать, что в конце 40-х гг. XIX в. барон Корф уже мог знакомиться с семейной частью архива, принадлежавшего государственному деятелю и заниматься сбором материала.

Однако подготовка труда о Сперанском Корфом еще содержит ряд неразрешенных вопросов, ключевым из которых является причины столь долгого пути от задумки до публикации (около пятнадцати лет); на данный момент в историографии существует аргументированный тезис о невозможности напечатать работу при жизни Николая I по цензурным обстоятельствам⁹. В предисловии к книге «Жизнь графа Сперанского» М. А. Корф лишь в общих чертах излагал историю своей работы: труд был задуман в середине 1840-х гг., однако именно передача всех документов архива М. М. Сперанского в ИПБ, а также необходимость, согласно воле Е. М. Фроловой-Багреевой, полностью опубликовать письма отца к ней явились отправной точкой создания биографии Сперанского: опубликованным частным письмам, проливающим бы свет на подробности семейной жизни графа Сперанского с одной стороны, но являвшимися в силу неординарности корреспондента и адресата, весьма содержательными, не хватило бы исторического контекста. Как свидетельствовал сам Корф, «приступив к подготовительным работам по изданию в свет писем ее отца, мы тотчас убедились, что печатать их без биографических, исторических и других объяснительных примечаний, значило бы погрузить читателя в совершенный хаос темных загадок и непонятных намеков»¹⁰. Из этого происходит и особая

⁴ [Голицын Н. Н.]. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. С. 257 – 260.

⁵ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 365 – 366.

⁶ РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 191. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 18. Д. 19. Л. 6 об.

⁹ Ружицкая И. В. Барон М. А. Корф – историк: по материалам его архива. М., 1996. С. 23.

¹⁰ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. I

значимость труда Корфа, который стал первым большим и связным нарративом именно биографического жанра, осмысляющим личность и деятельность Сперанского¹¹.

Непосредственно работа над созданием текста велась Корфом в годы его директорства в Публичной библиотеке, увенчав в 1861 г. десятилетие его трудов изданием книги об одной из ключевых фигур русской истории первой половины XIX в. Материалы фонда М. А. Корфа в ОР РНБ отражают причастность к сбору материала и редактированию текста К. Г. Репинского и А. Ф. Бычкова. В первом случае речь идет о сохранившихся листах с карандашными содержательными комментариями к разным частям книги¹², во втором – о корректурном оттиске, испещренном стилистическими замечаниями¹³. Все исправления своих добровольных помощников Корф исправно вносил в итоговый вариант текста.

Работа Корфа сделала Сперанского достоянием истории. До тех пор живший в воспоминаниях единомышленников, сторонников и противников, верных друзей, он вошел в число исторических деятелей, составлявших пантеон выдающихся личностей. Корф, талантливый историк, не мог не осознавать, что именно ему принадлежит право первой подобной биографии.

И если Сперанский-государственный деятель был известен многим, то подробности его частной, семейной, простой человеческой жизни оставались в тени. «Жизнь графа Сперанского» уделяет большое внимание этому «человеческому» измерению, которое на самом деле, являлось существенной компонентой его высокого образа, который закрепился в историческом мифе, поддерживаемом также многочисленными воспоминаниями тех, кто лично знал, или хотя бы раз встречался со Сперанским.

Но являвшийся, по его собственному выражению, учеником Сперанского на службе, видевший и знавший его в работе, на основании каких данных Корф смог создать столь трогательный образ Сперанского-частного человека, семьянина, любящего отца, пекущегося о своем обширном семействе? Откуда были позаимствованы материалы для отдельных глав его книги о семейной жизни Сперанского, разбитые на периоды и являвшиеся едва ли не самыми увлекательными для чтения фрагментами всего сочинения? В уже упомянутом предисловии Корф достаточно подробно перечислил свои источники, среди которых упоминал воспоминания и разговоры с теми, кто близко знал Сперанского. Однако не будет преувеличением сказать, что образ Сперанского в кругу семьи и ближайших друзей в значительной степени сформировался под влиянием «*Reminiscences et souvenirs filiales*»¹⁴ (дословно «Смутные воспоминания и записки дочери»), записок мемуарного характера, принадлежавших перу Е. М. Фроловой-Багреевой. Остановимся кратко на их археографических характеристиках. Рукопись тетрадного формата, без переплета, на тонкой писчей бумаге с оттиском иностранной фабрики в левом верхнем углу на 68 листах написана двумя почерками. Первая часть (ЛЛ. 1 – 17 об.) написана канцелярским почерком, вторая (ЛЛ. 18 – 68) – трудночитаемый автограф. Рукопись полностью франкоязычная, текст разделен на части, повествование доведено до эпохи Николая I. Рукопись содержит пометы карандашом на полях, принадлежавшие, по всей видимости, первому и единственному читателю – барону Корфу, которые таким способом отмечал нужные ему для текста биографии фрагменты.

Сам Корф в предисловии к «Жизни графа Сперанского» писал о характере текста: «Записки, нечто вроде *мемуаров* г-жи Фроловой-Багреевой, набросанные ею лично для нас (на французском языке) разновременно, отрывками, большей частью без всякой связи, по мере того, как ей приходило на память то или иное событие из жизни ее отца. Но при

¹¹ Не считая очерка Лонгинова, который содержал в себе множество сведений, но скорее напоминал расширенную словарную статью, а не полноценную биографию. Лонгинов М. Н. Граф Сперанский (1772 – 1839) // Русский вестник. Кн. 1 – 2.

¹² ОР РНБ. Ф. 637. Ед. 859.

¹³ ОР РНБ. Ф. 380. Оп. 1. Ед. 495.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 380. Оп. 1. Ед. 555.

восторженном обожании, которое г-жа Фролова-Багреева к нему питала, лицо его постоянно представлялось ей не иначе, как идеализированным, в блеске неземного величия, а при таком взгляде записки ее не всегда можно признать за источник всегда достоверный»¹⁵.

Точная датировка у рукописи отсутствует. Однако опираясь на свидетельства самого Корфа, о том, что текст «Записок» создавался «разновременно» можем предположить, что текст был завершен во второй половине 1840-х гг. После потери сына и мужа Е. М. Фролова-Багреева посвятила оставшееся время своей жизни писательству: вероятно, оставшийся в рукописи текст об отце на самом деле открывал ее насыщенное литературным трудом десятилетие конца 40-х – второй половины 50-х гг. XIX в. Несколько точно датированных писем Е. М. Фроловой-Багреевой, также сохранившихся в архиве Корфа, с ответами на расспросы Корфа по поводу уже изложенного в тексте «Записок», позволяют думать о том, что рукопись была создана не позднее 1848 г.¹⁶:

Тексту «Записок» Фроловой-Багреевой также предшествует пространное вступительное слово. Причиной написания воспоминаний она называла просьбы некоторых друзей к ней как к лицу, лучше всех знавшему Сперанского¹⁷. Текст этих воспоминаний изначально создавался рассчитанным на чтение, в нем неоднократно встречается обращение к читателю (по уверению Корфа, они были написаны для него). Во введении же Е. М. Фролова-Багреева сообщала о том, что едва ли может выступить биографом «государственного человека», ее очерки являлись, скорее, данью памяти и любви к обожаемому отцу: обстоятельства жизни не способствовали тому, чтобы вовремя запоминать и описывать виденное и слышанное ею – «одинокая и покинутая теперь я провожу свои долгие часы в размышлениях о его жизни, его красноречии, напомнить себе его движения столь размеренные и одновременно энергичные, слушая в своем сердце его голос, убедительный и мягкий, который столь уверенно мог найти утешение для опечаленных, совет для несчастных, сочувствие для обиженных» – писала Е. М. Фролова-Багреева¹⁸. Строгость Корфа в отношении сентиментального тона этих «Записок» в некоторых местах его книги можно рассматривать едва ли оправданной, учитывая, что сам автор не претендовал ни на биографическое исследование, ни на жанр мемуаров как таковой – первой и главной особенностью текста «Записок» Фроловой-Багреевой можно назвать беллетристичность ее повествования, приоритет не в точности дат, имен и событий, а в описании образов членов семьи, окружения отца, передачи настроения, деталей обстановки и т.д. Автор сетовал на невозможность обращения к формальным документам и установить дату события не представлялось возможным, в результате текст оказался практически полностью лишенным хронологии, сохранив при этом последовательность изложения, воспроизведенную по памяти.

Второй характерной чертой мемуарных записок Е. М. Фроловой-Багреевой об отце, практически написанных по просьбе, является высокая степень автобиографичности. «Я должна предупредить своих друзей, несмотря на свое искреннее желание вычеркнуть себя, – писала Е. М. Фролова-Багреева, – мое существование занимало большое место в его частной истории чтобы я могла никогда не упоминать свою личность, да простят они мне это и пусть этот незатейливое <...> повествование напомнит им мудрость, известную с античности, этого гения, такого простого и такого практичного в то же время, этого человека, такого хорошего и простого, истинного христианина, наконец, который любил ближнего своего как самого себя и Бога своего прежде всего»¹⁹. Эта авторская презумпция задает характер всему тексту: «записки» Фроловой-Багреевой – это в первую очередь образ отца в детстве и юности, образ отца как основа, ключевая особенность ее автобиографии

¹⁵ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. VIII.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 380. Оп. 1. Д.

¹⁷ Там же. Л.1.

¹⁸ Там же. ЛЛ. 1 – 1 об.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 380. Оп. 1. Ед. 555. Л. 1 об.

проступавшая в описании периодов разлук, носящей местами ностальгический, местами приближающийся к панегирическому. По крайней мере, в тексте заметна интенция автора донести именно это представление до читателя.

И хотя Корф критически оценивал «записки», упрекая их в отсутствии композиции, она все же у них существует, только присущая, судя по историографическим наблюдениям, женскому автобиографическому письму XIX в. Она специфически разорванная, обусловленная наличием «Другого» (мужского) и поиском исторического места собственной жизни рядом с «другим». Воспоминания об отце Фроловой-Багреевой – один из ярчайших примеров, когда через целенаправленное воспоминание об отце выстраивается собственное «Я» автора, «творимое через «другого»²⁰. Ее воспоминания, жизнь всей его семьи, в которой она воспитывалась, вписаны в «большую» биографию, подчиненную превратностям политической судьбы отца, однако, собственный голос автора не пропадает из текста, носящего почти автобиографический характер.

После очень личного по тону введения, о котором речь шла выше, в «Записках» следует пространный рассказ о происхождении ее отца и семье матери. Особое место занимали описание состояния ее отца после смерти Елизаветы Стивенс и его обращение к религии. Место религии в мировоззрении Сперанского – одна из основных тем «записок». Его образ как христианина ревностно создается и сберегается на протяжении всего повествования. Некое разочарование или даже скорее остановка в его духовной жизни, которая овладевает им после смерти супруги предстает как временное явление. «<...> Его душа была слишком глубокой даже в религии, чтобы скептицизм мог в нее проникнуть. Первый удар горя был огромный и столь неожиданный, наложился на чтение модных произведений, таких как Вольтер и вся его школа, они произвели свой эффект на восприимчивое воображение и аналитический ум отца; но впечатление длилось недолго и отступление окончательным и бесповоротным. Его ум скоро разоблачил ложность его блестящих парадоксов и его окрепшее воображение могло найти только в истинах веры возжеланную поэзию для своего существования. Уже в 1801 году (я родилась в 1799) я нахожу в письмах, адресованных им своему товарищу по Академии и другу Феофилакту²¹ убеждение самое личное и веру самую ревностную. «Его теософические записки заключают в себе все его мнения, высказанные всегда ясным слогом и всегда наполненные вдохновением и поэзией. Они многочисленны и построены по принципу комментариев на евангелистов. Святым Иоанном, его любимым автором навеяны самые красивые страницы. В других своих комментариях он оставил ряд размышлений на практически все сюжеты веры и учения. <...> Он продолжал этот жанр записей, который он называл *афоризмы* до старости. Он использовал всякую свободную минуту, свободную от работы и писал их по большей части карандашом, который был у него в руках....»²². Упомянутые «афоризмы», следует полагать, относятся к «теологической» части архива Сперанского, которой так дорожила его дочь, не желая первоначально отдавать ее даже Корфу. Поясняя характер происхождения этих бумаг, которые в дальнейшем практически не привлекали внимания исследователей, Е. М. Фролова-Багреева в «записках» дает ключ к пониманию целого пласта текстов, осмысление и интерпретация которых в аспекте изучения религиозности Сперанского на сегодня затруднена. Итог своего рода духовной практики, совокупность записей, имеющих религиозно-философскую проблематику, неоднократно прочитывалась самой Фроловой-Багреевой: отсылки к документам отца несколько раз встречаются в «записках». На некоторых бумагах из фонда ОР РНБ № 731 (М. М. Сперанский) встречаются маргиналии, которые, вероятно, могли принадлежать его дочери.

В условно выделенной первой части «записок», которая доходит до переезда семьи в Киев для поправления здоровья, Елизавета Михайловна много писала о своем детстве, о

²⁰ Савкина И. С. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007. 41.

²¹ ОР РНБ. Ф. 380. Оп. 1. Ед. 555. Л. 15.

²² Там же. Л. 16 об.

бабке Стивенс, тетушке, ее муже, детях от разных родственников, состоявших также на попечении тещи Сперанского и о судьбе которых он так заботился. Е. М. создала целую галерею портретных характеристик членов своей семьи, далеко не комплементарного свойства. Детство в ее рассказе предстает мрачным временем, где господствовало чудачество бабки, взбалмошный характер тетки Марианны, одиночество, трудности в обучении, потому что ее никто не хотел учить. Отца в это время почти никогда не бывало рядом, он был самым желанным гостем и собеседником, но был разлучен с нею. Встречи с отцом описаны как события центральные и преисполнявшие ее счастья. Приехав только один раз за все пять лет на несколько дней в Киев, по слова Е. М., он нашел ее совершенным «зверьком», плохо обученным не только знаниям, но и простым человеческим отношениям. Расставание с ним она описывает как «закат солнца и погружение в старую тьму»²³.

Переезд из Киева в Петербург в дом на Карповке переносит нас в материальный мир дома, предметов, описания интерьеров. Для автора «записок» это важные чувственные и вещественные воспоминания, которые предвосхищают и контекстуализируют описание совместных вечеров с отцом и его добрыми друзьями – Магницким, Столыпиным, Цейером, которые с большим удовольствием играли и общались с нею, участвовали в постановках домашних спектаклей.

Приближение года страшного перелома – 1811 г. автором описывается как год печали²⁴, предшествующий «зловещим событиям тогда еще только для нас [семьи], чем для России. Поскольку в случае, если бы мой отец смог продолжить начатую деятельность, мы были бы так далеко, как мы и сейчас не являемся, и может быть не будем никогда»²⁵.

Пребывание в Новгороде описано весьма кратко, в отличие от жизни его в Перми. После того, как теща и дочь Сперанского переехали в Великополье, сельцо на реке Вишера в окрестностях Великого Новгорода, для Елизаветы Михайловны наступило время, которое в дальнейшем отразилось в ряде ее беллетристических произведений. Периоды разлуки с отцом описывается как время невыносимого одиночества, грусти и постоянного ожидания новостей. Связь, существовавшая по переписке и любовь к книгам, поэзии, которую привил отец, становились в это время единственным утешением.

Как Корф использовал этот огромный и весьма подробный текст в своей книге? Безусловно, большая его часть оказалась им не охвачена, поэтому представляет интерес для дальнейшего изучения, которому, однако, должна предшествовать трудоемкая работа по расшифровке и реконструкции текста.

Корф-историк разделял Елизавету Михайловну как автора и как одного из героев его книжной биографии Сперанского. Юная девочка, которая переживает горе насильственной утраты, удостоивается его сочувствия, автор же, который выстраивает повествование о ней удостоивается порицание за излишнее обремененность «женским стилем» в повествовании, внимание к второстепенным, на его взгляд вещам и деталям. Однако в целом текст Е. М. Фроловой-Багреевой в значительных фрагментах – в форме обширных цитат или измененного текста – вошел в «Жизнь графа Сперанского».

Биография Сперанского, написанная Корфом имеет очень выразительную структуру. Как уже отмечалось, существенную роль играют фрагменты с описанием частной семейной жизни. Нужно отметить – в части характеристик семейного окружения Сперанского текст Корфа заимствован у Фроловой-Багреевой. Помимо обширных цитат, которые являются оживляют текст, как например, те же воспоминания о жизни в доме на Карповке. Но в остальном текст практически перенесен из рукописи в книгу со значительной стилиевой переработкой. Таковой, например, почти полностью является глава «Частная и домашняя жизнь Сперанского в период с 1801 по 1812 г.».

²³ ОР РНБ. Ф. 380. Оп. 1. Ед. 555. Л. 21.

²⁴ Там же. Л. 27.

²⁵ Там же. Л. 28.

Рукопись Фроловой-Багреевой повлияла и на некоторые стиливые особенности текста Корфа. У дочери Сперанского присутствовал талант писательницы и некоторые наиболее эффектные места рукописи перешли в текст биографии.

М. А. Корф был явно недоволен текстом Елизаветы Михайловны в целом, так как еще одной авторской презумпцией, помимо автобиографичности, необходимо было бы признать аполитичность текста. Ответов по самым животрепещущим темам историк так и не дождался, при том, что Фролова-Багреева явно знала некоторые подробности политической биографии Сперанского лучше, чем прочие. Однако в одном из писем, которые были написаны после того как Елизавета Михайловна передала рукопись воспоминаний Корфу, она оговаривала, что отец не любил распространяться с ней на подобные темы. В ее пользу был также возраст – переломное событие в биографии Сперанского – его падение и опала пришлось на ее двенадцатилетие, а близкие родственники не посвящали ее в подробности обстоятельств. День ареста отца, смутная фигура генерал-адъютанта А. Д. Балашова и приготовленные дрожжи для арестанта описывались ею в одном из последующих за записками писем Корфу.

«Смутные воспоминания и записки дочери» Е. М. Фроловой-Багреевой – интереснейший и сложный документ; помимо его пользы в изучении образа Сперанского, он является оригинальным эго-документом, а также контекстным ключом для понимания творчества Фроловой-Багреевой как писательницы христианского толка, процесса ее литературного труда, ее работы с архивным наследием своего отца в его условной «философской» части, которая в полной мере еще не изучена.

Литература

1. [Голицын Н. Н.]. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889.
2. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1- 2. СПб., 1861.
3. Ружицкая И. В. Барон М. А. Корф – историк: по материалам его архива. М., 1996.
4. Савкина И. С. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007.
5. Duret, V. Un portrait russe, l'oeuvre et «Le livre d'une femme» de m-me Bagreef-Speransky. Leipzig, 1867.